

В. А. Зверев

ДЕРЕВЕНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ВЗАИМОПОМОЩЬ НА АЛТАЕ В НАЧАЛЕ XX в. (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. Д. ОСТАНИНА)*

Опубликовано: Зверев, В. А. Деревенская кооперация и взаимопомощь на Алтае начала XX в. : (из воспоминаний Ф. Д. Останина) / В. А. Зверев // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. : материалы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И. В. Островского / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : НГПУ, 2006. – С. 246–255.

Долгое время отечественная историография, расширительно трактуя известную установку «классовая борьба – двигатель истории», культивировала образ истории-противоборства, истории – вечного конфликта классовых, политических, этнических сил. Впрочем, у данной тенденции были и гораздо более давние, более глубокие корни, связанные с состоянием письменных источников – чаще фиксируются и лучше сохраняются следы эксцессов, эгоистических столкновений людских масс, а не свидетельства комплиментарных отношений и альтруизма. М. Жванецкий хорошо уловил эту тенденцию, иронически довел ситуацию до абсурда, сказав: «История России – борьба невежества с несправедливостью». Очевидно, требуется уравновесить ситуацию, обратив первоочередное внимание на изучение истории-сотрудничества, истории-солидарности, истории взаимопомощи людей, без которой никак не могло бы не только развиваться, но даже просто выжить человечество. Существующий сейчас в научном (а также публицистическом и ином) дискурсе образ Сибири тоже нуждается в соответствующих коррективах.

Данная публикация имеет скромную цель обнародования десятка страниц только одного исторического источника, дающего, тем не менее, интересный

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект 04-01-00337а «Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. и массовые формы религиозного сознания».

материал для изучения ряда важных тем по истории сибирской деревни. Это и роль кооперации в жизни русского крестьянства досоветской эпохи (а заодно – «человеческое измерение» кооперативного движения), и влияние духовно-нравственных, прежде всего – религиозных факторов на культуру и образ жизни крестьянства, и иные темы.

Публикуемый здесь частично источник – воспоминания Федора Дмитриевича Останина «История – вечно живая память народа», написанные по просьбе работников сектора истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР и хранящиеся сейчас в архивной коллекции сектора истории культуры Института истории СО РАН. Родился Останин в 1899 г., в 1916–1918 гг. обучался в Новониколаевской учительской семинарии. В период Гражданской войны участвовал в партизанском движении. В 1919–1926 гг. работал учителем в сельской школе, инспектором-методистом роно на Алтае. Позже окончил Промышленный институт в Иркутске, трудился инженером-строителем. В момент создания мемуаров Федор Дмитриевич – пенсионер, житель Алматы. Подробные воспоминания были написаны им в 1972–1973 гг. и присланы в Новосибирск по почте. Некоторые фрагменты этого источника были уже напечатаны, в том числе с моим участием [1–4].

Представленные здесь два фрагмента публикуются впервые. Они входят в состав первой части мемуаров, имеющей название: «1. Деревня». «По старой памяти» автор воспроизводит свои детские впечатления: а) периода 1905–1911 гг., когда его отец, крестьянин д. Сидоровка Романовской волости Барнаульского уезда Томской губ., участвовал в создании и являлся выборным руководителем деревенского маслодельческого кооператива; б) периода 1911 – начала 1912 г., который ознаменовался неурожаем на обширных территориях востока России, а для семьи Останиных – совершенно бедственным положением. Преодоление общих и личных бед оказалось тогда невозможным без активизации системы крестьянской взаимопомощи, освящаемой религиозно-нравственным христианским

стремлением помочь ближнему. Автор, явно не свободный от «советского» стремления увидеть за любыми поступками зажиточных людей классовую корысть, с удивлением для себя фиксирует проявления бескорыстия «божьего человека» П. П. Кононова и других односельчан.

При подготовке текста к публикации мною исправлены явные (немногие, впрочем) опечатки и ошибки, сделана новая разбивка текста на абзацы – для удобства чтения.

Ф. Д. Останин. История – вечно живая память народа

[г. Алма-Ата]

[1972 г.]

1.

<...> У отца [в с. Сидоровка, около 1905 г.] появились знакомые. Это были – сельский писарь, старичок, по национальности еврей, всегда жаловавшийся на свою судьбу – на то, что его несправедливо сослали в Сибирь на 5 лет, на старости лет оторвали от семьи. Старик был ласковый, у нас с ним завязалась дружба. Потом – маслодельный мастер Федор Иванович Кузьменко с маслодельного завода купца Калетина.

Завод этот в деревне называли просто «молоканкой». Был он расположен от нас через четыре двора. И я часто хаживал туда с братом и товарищами. Ничего интересного: единственно, что привлекало внимание – это двое рабочих, которые вращали большую бочку между двумя стояками; бочка вращалась «кувырком», это-то и было интересно. И когда я спрашивал у брата – что они делают, он «разъяснял»:

– Это они «бьют масло».

Масло я знал, даже пробовал, но за что его нужно было «бить», да еще таким способом, – не мог понять из такого разъяснения.

Заходили к нему [к отцу] и сыновья купца Кононова. Это были очень веселые и интересные парни: один из них хорошо играл на скрипке, другой – на гармонии «двухрядке», быстро ездил на велосипеде – это был кумир всех деревенских ребятишек. Но и не только ребятишек. Он, Петр Петрович,

организовал свой оркестр, в котором был и барабан, и «медные тарелки», и металлический треугольник. В праздничный день оркестр устраивался на балкончике обширной пристройки к магазину – на берегу реки – и для удовольствия собравшейся публики играл весь вечер. Местные плясуны до «седьмого пота» показывали свое искусство. Я, да и, пожалуй, все мальчишки очень завидовали музыкантам.

Особенно колоритен был Игнашка Тарасёнок, рабочий с хозяйского маслозавода – сухой высокий парень с большим горбатым носом, с очень изрытым оспой лицом, с поврежденным глазом навывкате. Он в оркестре играл на балалайке: страстно крутил головой, нагибаясь к балалайке, потом вдруг вскидывал ее, свирепо взирал на публику, плечами «дирижируя» в такт. Он был неистощим в частушках, очевидно, собственной импровизации, чаще всего скабрёзных – для удовольствия публики.

Этот оркестр, как я понял значительно позже, играл немаловажную роль в торговых делах хозяина. Братья Кононовы приходились отцу не только земляками, но и товарищами, а один из братьев отца был женат на их сестре.

Таково создалось окружение вокруг моего отца... Каждая из этих персон чем-то для меня была интересна и значительна. Мои симпатии часто и резко колебались между ними. Особенно неприятен мне был Кузьменко Ф. И., маслодельный мастер с завода Калетина. Он стал заходить к нам каждый вечер и что-то жарко доказывать отцу.

Как я понял его, он стал уговаривать отца бросить занятия с ребятами. <...> Ведь ты же, дескать, малограмотный. <...> А дело есть лучше, интереснее. Братья Калетины делятся, старший уезжает в Камень на жительство, там хочет открыть свое дело. А младший, Афанасий, остается здесь. За ним остается лавочка. Старший же, Матвей, хочет получить свою долю деньгами. В связи с этим они продают свой маслодельный завод, и недорого. А кто купит? Конечно, Кононов купит, ему он мешал и мешает. Купит и будет тогда один «обдирать» мужиков, как ему вздумается. Надо уговорить общество купить завод, сделать его артельным. Ведь молока много

пропадает в хозяйствах, свиней кормят молоком, а в городе цены на масло растут. Сами будем производить масло, сами продавать, покупать необходимые народу товары, деньгами рассчитывать за молоко. Мужики поймут выгоду. Давай, организуем артель маслодельную.

Не одну неделю ходили они [отец и Кузьменко] по дворам, уговаривали мужиков, записывали в «артельщики». Почти вся наша заречная сторона записалась. Собрали деньги, купили завод, выбрали «доверенного» – им оказался отец. Мать была против этой затеи: она боялась новизны и громоздкости дела, особенно на первых порах, всё ее пугало. Я, конечно, сочувствовал матери и возненавидел Кузьменко. А он стал почти завсегдаем у нас. Они что-то писали, считали с отцом и радовались.

Была готова первая «партия» артельного масла. Сами же артельщики свезли его в Камень. Закуплены были нужные в деревне товары, рассчитаны деньгами за молоко артельщики. Оказалось, каждый из них получил за свое молоко значительно больше, чем получали у Кононова. Эффект был поразительный: мужики сами шли и вступали в артель. Дела налаживались, артель крепла, завод увеличивался. Мастер Кузьменко ликовал, отец входил в азарт.

Как-то в одно из воскресений к нам домой приехал на велосипеде Петр Петрович Кононов, младший сын купца. Он заправлял делами магазина, завода, был грамотен, приветлив, красив собой. Остальные его братья вели большое крестьянское хозяйство и почти все время жили на заимке – и зимой, и летом. П[етр] П[етрович] приветливо, как всегда, поприветствовал отца и заявил, что он приехал к нему «постригаться». Свои красивые светлорусые кудри он доверял постригать только отцу. Во время «процедуры» П[етр] П[етрович] самым дружелюбным обычным тоном заговорил:

– Наш старик на тебя, Митя, обижается – не в свои дела, говорит, нос сует, артель затеял, мужиков смутил; нам свой заводик в пору хоть закрывай. Артель – известно: ладно, когда всё ладно, а чуть что – тебя с потрохами сожрут. Говорит, пускай бы к нам шел в лавку прикащиком, парень свой,

не обидели бы, и спокойнее – не с народом считать его копейки. Он [народ] за свои копейки с тебя десять шкур сдерет, а если ты из-за их копеек в беду попадешь – никто тебе своей копейкой не поможет. А мало ли что может случиться. Ты, в самом деле, подумай-ка над этим!

– Видишь, Петенька, – говорит отец, – ни артель, ни вы с твоим стариком меня с семьей не прокормите. Детишки растут, а их уже пятеро, их кормить, да и учить надо, мне надо свое хозяйство поставить на ноги. Тогда я сам себе хозяин. Вот в следующие выборы меня заменят, дела артельные налажены, все идет хорошо, люди пока довольны. А вам свой заводик за чем закрывать: платите мужикам за молоко дороже, чем в артели платят, тогда артельный завод придется закрывать. Так ведь?

– А-а, вишь, ты куда гнешь, – обиженно сказал П[етр] П[етрович].

Закончили стрижку, он так же приветливо распрощался, дал мне пятак, очевидно, за то, что я собрал отрезки его волос вокруг табуретки, и уехал.

Отца не переизбрали в следующие перевыборы. Около шести лет бесценно он работал доверенным. «Заводик» Кононовым пришлось закрывать, так как в их районе, за речкой, артель построила новую «молоканку», т. е. молокоприемный пункт, чтобы населению этой части села дать возможность ближе носить молоко на сдачу.

За это время мне пришлось быть свидетелем крупной ссоры старика Кононова с моим отцом на берегу речушки, недалеко от нашего дома. Старик упрекал отца в «бессовестности», «неблагодарности», грозил Божьим гневом. Он был очень набожен, и сам я много раз видел ... в церкви, как истово и усердно он молился на левом клиросе, всю службу стоя на коленях. Я никак не мог понять: за что так сильно отец обижает старика, такого ласкового и набожного, ведь за такого старика, в самом деле, Бог может наказать отца.

А как-то одним из поздних вечеров отец, вернувшись с завода, рассказал матери, что сейчас встретил Игнашку Тарасёнка – знаменитого деревенского балалаечника и скандалиста. Пьяный, как всегда, с балалайкой в руках:

– Дядя Митрий, дозвожь поговорить с тобой! Ты меня на свой завод

примешь работать? Мне ведь у Петра Прокоповича нечего делать – закрыл [он завод]. А меня теперь заставил навоз возить, да нужник его чистить. Да что, слышь, говорит, лиса старая! Говорит, что во всем ты виноват: артельный завод завел. Сам, дескать, наживается, а других разорить хочет; вот, мол, вас всех – рабочих завода – увольнять приходится. «Ты, – говорит, – Игнаша, парень бойкий, сметливый, и дружки у тебя подстать, что вам стоит этот артельный завод – тово... Умело “петушка” подпустить – и всё, да и самого Митрия пужнуть как следует». Вот как! И говорит: а мы, мол, с ребятами давно думали тебя, Игнат, старшим на заводе поставить, жалованье прибавить, а там и избу тебе поставить. Вишь, как!

Отец поблагодарил Игнашку и сказал, чтобы тот завтра приходил на работу. И сколько я потом помню, он все время работал на артельном заводе, каждый вечер развлекая своей балалайкой ребят и девчат прилегающего района.

А рассказ Игнашки вызвал новое смятение у матери и у нас – ребятишек. Мать со слезами снова упрашивала отца «бросит эту всю канитель» и жить «своим умом» и своим хозяйством.

– Ведь ты осиротить нас можешь, – говорила она. – Ведь когда ты уезжаешь в Камень с маслом, я ночи не сплю, думаю: ведь столько денег при нем, придушат где-нибудь, отберут, ведь жуликов-то в городах сколько! (Мать за всю свою жизнь до старости не была в городе и пользовалась о нем только слухами и рассказами.)

И в самом деле, я часто потом думал: сколько же надо было иметь смелости или наивности, или какой-то детской, безмятежной доверчивости, чтобы из Камня на расстоянии 160 верст ехать одному в «ходке» степями – днями и вечерами, а иногда и ночами, с выручкой за масло тысяч [на] 18–20 в простой кожаной сумке! И все было благополучно. Конечно, отец имел при себе маленький шестизарядный револьвер, – защита, конечно, «надежная», но прибегать к ней, к счастью, не приходилось.

Помню, как-то отец рассказывал у нас дома Ф. И. Кузьменко:

– Еду, – говорит, – от самого Камня до Глубокого (село – от Камня около 110 верст) березовыми колками, жутко становится: вот, думаю, выскочит из околков Веселков и скажет: «А-а, голубчик, попался, давно я тебя поджидал». И сразу достаешь револьверишко. (Веселков – знаменитый на весь уезд вор, житель села Глубокого. Впоследствии мне пришлось учительствовать в этом селе и встретиться и работать вместе с его сыном – Веселковым, председателем местного волисполкома.)

Да, много тревоги принес нашей семье этот период пребывания отца руководителем артели. Наш дворик превратился в место, где всегда были люди – прихожие и приезжие: получить заказанный товар, получить расчет за молоко, за извоз. Отец был занят с утра и до вечера. Я сейчас думаю и поражаюсь: как мог и успевал полуграмотный мужик посчитать по специальным книжечкам «сдатчиков молока», сколько пудов молока сдал артельщик, сколько ему причитается получить деньгами, кроме взятых товаров. И не припомню я ни конфликтов, ни недовольствий. Без счетовода или бухгалтера – весь учет и отчетность вел мужик, усвоивший когда-то [на военной службе] «все четыре правила арифметики». Ни растрат, ни потерь, ни утрусок, ни раструсок.

Период этой кооперативной деятельности отца определяется примерно около шести лет, с 1905 по 1911 год. <...>

2.

<...> Весна [1911 г.] была благоприятная, росли хорошие всходы, травы. Мы высеяли достаточную для нашей семьи площадь пшеницы, овса, проса и прочих необходимых культур в сельском хозяйстве. Все обстояло хорошо. Во второй половине июня начали сенокос. У нас с соседом была куплена машина сенокосилка в рассрочку на три года. Травы выросли хорошие, сенокос был веселый и обильный. Появились первые стога. Хлеба колосились и желтели.

20-го июля, в день пророка Ильи, с утра на северо-востоке собирались

тучи. Мы спешили оставшиеся валки сена сложить в копны. Туча надвигалась быстро, темная до черноты, с белыми полосами по ней, [сопровождали ее] непрерывный гул грома и ежесекундные молнии. Едва мы добежали к стану, как обрушился страшный ливень, а через несколько минут земля буквально застонала от сильного и крупного града величиною с куриное яйцо. Нас обуяли ужас и оцепенение. Кони под крышей сбились в кучу и замерли. Через 10–15 минут еще моросил мелкий дождь, а смертоносная туча с бешеным рычанием уходила на юго-запад. Мы вышли из землянки и были потрясены страшным зрелищем: вся земля была покрыта кучами битого льда. Прощай, посеvy, крестьянские планы и надежды! К вечеру мы приехали домой. Через 60 с лишним лет я не могу вспоминать без содрогания тот трагический вечер и последующие дни.

Итак, сенокос и страда для нас отпали сами собой. Начались тяжкие дни неопределенности, размышлений.

– Ну что ж, – сказал однажды отец в семье, – горе горюй, а руками воюй! Перевезем все сено, что успели накопить и сметать, домой. Все, что нарастет на полосах после градобития до наступления холодов, скосим и тоже вывезем домой.

Верно, после градобития на полосах поднялась буйная сочная зелень. Вся она была скошена и превращена в роскошное сено. И сразу же он [отец] приступил к обмену сена на любое зерно с мужиками-односельчанами, у которых град пощадил посеvy, а сена было недостаточно. Помогли родственники, избежавшие этого стихийного бедствия. <...>

Осенью [того же года] была какая-то эпизоотия в деревне, болел рогатый скот, очень много погибло скота, а у нас – все четыре коровы и телочка погибли. Ни хлеба, ни скота. То хоть коровы давали молоко, [родители] почти всё сдавали на завод, на эти деньги покупали и хлеб, и платили за мою квартиру... А теперь как? <...> Чем сеять, как прокормить большую семью до урожая? Хватит ли сил и изобретательности у отца?

В один из мартовских дней, недели за две до Пасхи, во второй половине

дня к нам домой заявился старик Кононов Петр Прокопьевич. Давно он у нас не бывал – года три – четыре. Долго молился на образа, сделал поясной поклон матери, промолвил елейно-благочестивым тоном:

– Мир дому сему.

У матери на лице испуг, но она очень любезно приглашает проходить и садиться. Прошел, сел:

– А где же будет Митя?

– Ох, Петр Прокопьевич, у Мити теперь много дорог. Как встает, с утра и до поздней ноченьки ходит-бродит по этим дорогам. Вы слышали о наших несчастьях?..

И мать не удержалась, заплакала.

– Слышал, слышал, Марьюшка! Да что сделаешь? На все воля Божья, прогневали чем-то Господа. Но ты не плачь, не убивайся, молись Богу – он милостив, поможет. Вот я и зашел к вам с добрым Божьим словом. Ведь мы с ребятами каждый день говорим о вашей беде, – свой парень-то, жалко. И порешили: приходите с Митей сегодня или завтра, берите любую стельную корову и ведите домой – ребятам хоть молоко к Пасхе. Потом как нибудь, Бог велит, рассчитаемся. А на посев ребята дадут ему [Дмитрию] пудов двадцать пять пшеницы, хотя бы десятин на пять пока. А там, Бог даст, видно будет.

Мать бросилась к нему:

– Божий вы человек, Петр Прокопьевич! Чем же мы вас отблагодарим? Век буду с детьми Бога молить за вас и вашу семью! – плакала мать.

– Ну что ты, Марьюшка, перестань! Все мы под Богом ходим, Бог знает, что может быть с каждым.

Встал, долго опять молился на образа, так же поклонился матери, сказал: «Да хранит вас Бог и его Святая Матерь», – и ушел.

У матери наступило состояние оцепенения: она, очевидно, не смогла еще осознать – сон это или явь? В таком состоянии и застал ее вскоре вернувшийся отец.

– Что случилось? – испуганно спросил он.

И мать, конечно же, со слезами рассказала о визите Кононова. Отец крепко задумался. Что это значит? Как понять? Заклятому врагу – и вдруг такое проявлено великодушие. Какая цель скрыта за этой милостью? Долго думал. Какие это были думы – никому это осталось не известным. Но, очевидно, положение было безвыходным, и он принял решение.

– Ну, так что ж, сегодня пойдем или завтра? Сегодня уже поздновато, – спросил он у матери.

Та обрадовалась, засуетилась:

– Пойдем сейчас же, зачем откладывать, пока не раздумали.

И они ушли. А мы, восемь ребят, понимая всю важность события, остались в напряженном ожидании.

Часа через два они вернулись. Привели хорошую черную корову. Всей семьей мы ее встретили, обнимали, целовали в морду. И она как будто понимала теплоту встречи и особую важность своего появления в этом дворе – была доступной, ласковой, общительной. В этот вечер появилась в нашей семье радостная надежда на лучшее. Как раз к Пасхе у нас появилась хорошенькая, белоголовая телочка. Корова оказалась с хорошим и обильным молоком.

А еще через две недели, к началу сева, отец привез 25 пудов обещанной пшеницы на семена. И какое же счастье: я впервые за весь этот год увидел лицо матери повеселевшим! Отцу удалось собрать еще около 20 пудов пшеницы, немного овса, ячменя на семена. И мы наравне со всеми выехали на пашню сеять.

К тому времени вся земля и угодья, принадлежавшие нашему селу, были поделены между крестьянами. Наше село располагало большими фондами пахотной земли, меньше [имелось] сенокоса, а леса не было совершенно. Пахотной земли пришлось по 15 десятин на каждую «душу мужского пола». Нам на шесть «мужских душ» пришлось 90 десятин пахотной земли. И все это, почти, – целина, покрытая обильным разнотравием.

Земля принадлежала каждому двору на правах полной собственности*, и каждый мог распорядиться ей, как мог и хотел. У многих зажиточных и даже богатых мужичков оказалось мало «мужских душ», и они оказались малоземельными, а посевы они производили огромные. У наиболее бедных крестьян оказалось, наоборот, «мужских душ» много и земли тоже, а освоить ее они [были] не в силах. Неизбежно возникла своеобразная «смычка» между экономически сильными и слабыми хозяевами. Мощные хозяйства покупали, арендовали землю у маломощных хозяев на разных условиях.

Арендовали чаще всего на пять лет за определенную сумму денег, по пять–шесть руб[лей] за десятину в год. Арендатор мог распоряжаться арендованной землей, как собственной. Обычно делалось так: два первых года он снимает с нее сенокос, затем распахивает целину, снимает три–четыре урожая, а потом использованную, истощенную землю возвращает владельцу. Ему она «пригодна» теперь как пустошь, заросшая полынью, осотом и прочими сорняками. Практиковалась и такая форма аренды: арендатор распахивал целину совершенно бесплатно, за это он снимал два первых урожая, а все последующие – хозяин земли. Ведь поднять целину плугом – надо иметь не менее 6 лошадей. А если их три, четыре или даже пять у хозяина – поднять целину он не может, надо искать помощи. Только значительно позже маломощные мужики поняли, что можно обходиться без «помощи» зажиточных: они стали объединять свои возможности двух и даже трех дворов.

Весна 1912 года была довольно благоприятной. Мы произвели посевы, достаточные для нашей семьи, хорошо провели сенокос и уборку урожая. Появился свой хлеб, и в достаточном количестве. Семья ожила. <...>

* На самом деле собственниками земли на Алтае до 1917 г. оставались государство и император, как его глава. Здесь раньше, чем в других местностях Сибири, была проведена землеустроительная кампания, в ходе которой в постоянное совместное владение крестьянских обществ были отмежеваны наделные угодья. А с 1911 г., в контексте «нового курса» правительства П. А. Столыпина, кое-где начался раздел общинных земель между домохозяйствами – «в частное владение на правах постоянного наследственного пользования».

Институт истории Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, сектор истории культуры, коллекция воспоминаний, п. 118, л. 9–14, 20–21, 25–28 (1-я паг.). Машинописный подлинник; подпись – машинописью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зверев, В. А.* Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) / В. А. Зверев, К. Е. Зверева // Сиб. пед. журнал. 2004. № 3. С. 119–126.

2. *Останин, Ф. Д.* Светлые дни в учительской семинарии / ред., предисл., примеч. В. А. Зверева // Сиб. горница : журнал для семейн. чтения. 2003. № 4. С. 59–81.

3. *Останин, Ф. Д.* Учеба учителей // Школа и учительство Сибири, 20-е – начало 30-х гг. : материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 36–59.

4. *Пыстина, Л. И.* Новониколаевск, год 1916-й : воспоминания Ф. Д. Останина о Новониколаевской учительской семинарии // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Культура, наука, образование». 2002. № 3. С. 104–109.